

..... Стихи о любви

..... Стихи о любви

Омар Хайям

Будь счастлив хотя бы мгновеньем одним...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.21/22

ББК 84 (0) 9

О-57

Разработка серии — *Е. Шамрай*

Перевод *И. Евса*

Ранее книга выходила под заглавием
«Возлюбленной твоей прекрасна чистота»

Омар Хайям

О-57 Будь счастлив хотя бы мгновеньем одним... / Омар Хайям. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 256 с.: ил. — (Стихи о любви).

ISBN 978-5-17-085483-7 (ООО «Издательство АСТ»)

Омар Хайям обладал столь разнообразными талантами, что еще в XIX веке в Европе, поздно познакомившейся с его наследием, всерьез считали, будто некогда существовало два Хайяма. Один, мудрый, писал трактаты по математике, астрономии и философии. Другой, ветреный любитель плотских утех, сочинял стихи. На самом деле ученый и поэт объединились в одном лице. Отдавая должное научным трудам Хайяма, все же следует признать, что сегодня их изучение — удел специалистов. А вот стихи обрели воистину всемирное признание, вошли в золотую сокровищницу мировой культуры.

«Омар Хайям был человеком. Не нужно делать из него ни пьяницу, ни ловеласа в стиле французских романов. Он был таким же, как все мы: порой мерз и голодал, порой жил прекрасно, много думал и много работал» (Р. Дашнаки). Плоды раздумий и страстей Омара Хайяма перед вами. Наслаждайтесь...

УДК 821.21/22

ББК 84 (0) 9

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«ЦЕЛЬ ТВОРЕНИЯ — МЫ...»

Омар Хайям обладал столь разнообразными талантами, что еще в XIX веке в Европе, поздно познакомившейся с его наследием, всерьез считали, будто некогда существовало два мудрых Хайяма. Один писал на арабском трактаты по математике, астрономии, философии. Другой сочинял стихи на классическом персидско-таджикском — едином источнике для персидского, таджикского и афганского дари, ставших впоследствии самостоятельными языками. На самом деле ученый и поэт объединились в одном лице. Отдавая должное научным трудам Хайяма (в математике, например, он предвосхитил Ньютона), все же следует признать, что сегодня их изучение — удел специалистов. А вот стихи обрели воистину широкое всемирное признание, вошли в сокровищницу мировой культуры.

Установить точные года жизни Хайяма пока не удалось. Современные энциклопедии в обозначении их проявляют осторожность: ок. 1048 — после 1127. Место рождения, правда, известно точно: город Нишапур в северо-восточной иранской провинции Хорасан, в древности являвшейся ядром парфянского государства. Парфия входила в состав древнеперсидского царства. А в Хорасане разнообразно сочетались парфянская и персидская, греческая и римская, арабская и турецкая культуры. Образование Хайяма базировалось на арабских переводах трудов Евклида, Архимеда, Аристотеля, Птолемея, сделанных еще в IX—X веках. Доступны ему были также энциклопедические трактаты Ибн Сины «Книга спасения» и «Книга знания». Разумеется, он должен был изучать и Коран.

Имя «Хайям» буквально переводится как «палаточный мастер» (от слова «хайма» — полотно для шатров и палаток). Отсюда биографы ученого и поэта делают вывод, что его отец занимался именно таким ремеслом (возможно, был старейшиной цеха ткачей). Во всяком случае у Омара нашлись средства, чтобы продолжить образование в Балхе и Самарканде, где наибольших успехов он достиг в математике. Потом он путешествовал, преподавал. Пользовался покровительством сельджукских правителей Ирана. При дворе Мелик-шаха в столичном городе Исфагане Хайям провел 18 лет (1074—1092), руководил созданной им же обсерватори-

ей, вместе со своими сотрудниками разработал новый календарь, гораздо более точный, нежели применявшийся до того. После смерти Мелик-шаха (есть предположения, что он был отравлен соперниками) обсерватория закрылась. Попытки Хайяма заинтересовать новых правителей астрономическими открытиями оказались безуспешными. Лишь к концу жизни он вернулся в родной Нишапур, где и скончался.

На его могиле в 1934 году поставлен памятник на средства, собранные почитателями творчества Хайяма в разных странах.

Что же представляет собою его собственно поэтическое творчество? Это около пятисот афористических четверостиший — рубаи (буквальный перевод с арабского — «учетверенный»). Некоторые хайямоведы считают, что их гораздо больше (до пяти тысяч), однако нет безусловных доказательств, что рубаи, приписываемые ими Хайяму, принадлежат именно ему. В этой книге собраны только четверостишия, авторство которых уже не оспаривается.

В большинстве рубаи Хайям предстает перед читателями поклонником вина и женской красоты. В связи с этим одни исследователи считают автора проповедником гедонизма (направления в этике, утверждающего наслаждение, удовольствие как высшую цель и основной мотив человеческого поведения), другие же полагают, что тексты нельзя воспринимать буквально:

правоверный мусульманин Хайям говорил метафорами и аллегориями. Так, под вином, якобы, подразумевается духовная радость, а под любовью — восторженная преданность Богу. Обе точки зрения породили довольно обширную литературу, разбирать которую не входит в задачу нашего издания. Приведем лишь слова иранского исследователя Р. Дашнаки: «Омар Хайям был человеком. Не нужно делать из него ни пьяницу, ни ловеласа в стиле французских романов. Он был таким же, как все мы: порой мерз и голодал, порой жил прекрасно, много думал и много работал».

Плоды раздумий и трудов Омара Хайяма перед вами. Наслаждайтесь...

A rectangular border composed of intricate floral and vine motifs, featuring roses and scrolling leaves, framing the central text and emblem.

Омар Хайям

Рубаи

Я откроюсь тебе: цель творения — мы.
Ненасытного разума зрение — мы.
Этот круг мироздания перстню подобен.
Лучший камень в его инкрустации — мы.

Если Тот, Кто прелестницам дал красоту,
Утоление — скорбящим, а праздным — тщету, —
Нам с тобою не выделит места под солнцем,
Не печалься: других Он низверг в черноту.

Коль не знаешь, что будет с тобой через год,
Зря печалишься раньше прихода невзгод
Ты, вкусивший вина, обнимающий пери,
Утирающий страсти взыскующий пот.

Вы, объятые шумным веселием круга,
Под звучанье барбата воспойте друг друга.
И незло помяните беднягу Хайяма,
Что очнулся травинкой весеннего луга.

Не тверди, что идет за бедою беда.
Ты желанной награды не сыщешь тогда.
Знает каждый мудрец: всё во власти Аллаха.
Слезы лить понапрасну — не стоит труда.

Бедные жители кладбищ, их горевое родство
В прах превратилось летучий. Ветер развеял его.
Что за вино они пили, если до Судного дня
Спят, ни о чем не тревожась, спят, не боясь ничего?

Даже избранный муж, чья всеильна рука,
Кто о мире привык рассуждать свысока,
Пред делами Всевышнего жалок, потерян
И ничтожен, подобно крупице песка.

